А. Маркетти

Европейская[1] политика соседства – политическая консолидация с препятствиями

Аннотация. *В статье рассматривается процесс становления и перспективы Европейской политики соседства (ЕПС). По мнению автора, ЕПС представляет собой не столько новую политику ЕС, сколько стратегическую концепцию по дальнейшему преобразованию пространства, окружающего ЕС. В основе ЕПС лежат, подчеркивает автор, открытость Союза для новых членов и усилия по созданию кольца дружественных государств. Учитывая наблюдающуюся в ЕС «усталость» от расширения, ЕПС должна стать, заключает автор, заменой политике расширения и занять важнейшее место в системе внешних сношений Евросоюза.*

Abstract. *Abstract: The European neighborhood policy has been analyzed in this article. Author argues that the European neighborhood policy represents not only a new EU policy but a strategic concept aiming at further changes of area around the EU. Author underlines that in the basis of the European neighborhood policy there are openness to the new member-states and efforts to create of friendly nations around the EU. Author concludes that in view of the EU «weariness» from enlargement the European neighborhood policy should displace the enlargement policy and take significant part in the system of the EU international relations.*

---

[1] *Авторы из стран ЕС, как правило, подразумевают под словом «Европа» страны Евросоюза. В этом же смысле использует понятие «Европа» автор данной статьи. – Прим. пер.*

Ключевые слова: *расширение Европейского союза (ЕС), Европейская политика соседства (ЕПС), эволюция ЕПС, преобразование окружающего ЕС пространства, «кольцо друзей».*

Keywords: *the EU enlargement, the European neighborhood policy, evolution of the European neighborhood policy, changing of the EU surrounding area, friendly ring.*

Введение. Европейская политика соседства в контексте процессов политической интеграции

В принятой в 2003 г. Европейской стратегии безопасности отмечается, что и «в век глобализации... географические аспекты по-прежнему будут играть важную роль» [Ein sicheres Europa, S. 7]. Особенно актуально это положение в наше время, когда процесс внутренних реформ в ЕС все еще не может считаться завершенным.

Возникает вопрос, как следует соотносить процессы нормативного и институционного углубления ЕС с его географическим расширением. После того как в дискуссиях о расширении ЕС на первый план – в контексте сформулированных в 1993 г. Копенгагенских критериев [Schlussfolgerungen des Vorsitzes, S. 13] – все отчетливее начал вставать вопрос о его способности не просто принять, но и интегрировать новых членов, Европейская комиссия в 2006 г. в своем особом сообщении, посвященном способности ЕС к интеграции, уточнила необходимые критерии, которым, с ее точки зрения, обязаны отвечать кандидаты на вступление в ЕС [Erweiterungsstrategie…]. В то же время вопрос о географическом расширении ЕС нашел – по крайней мере предварительно – уточнение в концепции Европейской политики соседства. Эта концепция регулирует отношения между расширившимся в 2004 и 2007 гг. ЕС [Grösseres Europa, S. 3] и прилегающими к нему странами-соседями на Востоке и на Юге. Одновременность географического расширения ЕС и разработки ЕПС позволяет заключить, что между политикой расширения и политикой соседства существует тесная взаимосвязь. Это подтверждает и тот факт, что первые планы ЕПС в Еврокомиссии вышли из Генеральной дирекции по вопросам расширения. Только после того, как руководство Комиссией в конце 2004 г. принял Жозе Мануэль Баррозу, ЕПС была «перемещена» в

Генеральную дирекцию внешних сношений, хотя в ее последующей разработке продолжали принимать участие эксперты в вопросах политики расширения [Kelley, p. 32].

Постепенное претворение ЕПС в жизнь осуществлялось уже в ходе расширения ЕС в 2004 и 2007 гг. Однако, несмотря на то что с вступлением Болгарии и Румынии, географическое расширение ЕС еще не достигло своего завершения, фаза имплементации и операционализации ЕПС продолжилась. Поэтому она по-прежнему остается «политикой в становлении», хотя «новой» ее назвать нельзя. Корни у нее значительно более разветвленные, чем это можно предположить, исходя из краткого срока ее присутствия в современных политических дискуссиях. Она представляет собой не столько *новую* политику в рамках внешней политики ЕС, сколько стратегическую концепцию по *дальнейшему* преобразованию пространства, окружающего ЕС. В ее основе лежали, с одной стороны, открытость Евросоюза для новых членов, «чтобы избежать новых линий раздела между расширенным ЕС и его соседями» [Europäische Nachbarschaftspolitik, S. 3], а с другой – усилия по созданию кольца дружественных государств вокруг ЕС – так называемого «кольца друзей».

В предлагаемой статье будет показано становление этого «кольца друзей» и критически рассмотрен вклад ЕПС в процессы политической консолидации Евросоюза. Тема будет исследоваться в двух аспектах – географическом, с особым упором на соотношение расширения ЕС с реализацией ЕПС, и политическом, с особым упором на разработку единого европейского внешнеполитического инструментария в отношениях с соседствующими государствами. Далее будет показано, что оба этих аспекта, внося свой вклад в процессы политической интеграции Евросоюза, в то же время вступают в диалектическое противоречие в рамках ЕПС.

Образование кольца государств вокруг ЕС

После окончания холодной войны ЕС начал уделять особое внимание пространству вокруг своих внешних границ. Постепенное образование кольца дружественных государств вокруг ЕС в начальный период происходило не столько в силу далеко идущих стратегических замыслов, сколько в ходе осуществления повсе-

дневной политики. Однако в этот период были заложены основы, на которых впоследствии было возведено здание ЕПС. Насколько сильна связь ЕПС с «послевоенным» порядком в Европе, видно из становления и развития взаимоотношений между ЕС и его соседями начиная с 1991 г.

Европейские политики соседства[1] *после окончания холодной войны*

Хотя начальная фаза последнего изменения мировой политической архитектуры – до распада СССР и Варшавского пакта в 1991 г. – все еще определялась географией противостояния блоков, страны Западной Европы, находившиеся в те годы в переходной стадии от Европейского сообщества к Евросоюзу, начали разрабатывать механизмы для поддержки и стабилизации государств бывшего Восточного блока. Естественным адресатом западноевропейской внешней политики после окончания эпохи конфронтации стал СНГ (Союз Независимых Государств), объединивший в 1991 г. государства российской сферы влияния. Эта новая политика нашла оформление в программе технической помощи для стран СНГ (TACIS). Кроме СНГ программа распространялась и на Монголию. В 1993 г. странам бывшего Варшавского договора и странам Балтии[2] было обещано членство в ЕС. Тем самым была официально признана их западноевропейская ориентация [Schlussfolgerungen des Vorsitzes, S. 13]. В это же время южноевропейские члены ЕС – по аналогии с перспективами его расширения на восток – начали выражать все большую заинтересованность в особых отношениях Евросоюза с государствами Южного и Восточного Средиземноморья. С политической, исторической и культурной точек зрения южные члены ЕС, разумеется, имели значительно больше общего с этими государствами, чем с Восточной Европой и тем более с Центральной Азией. В 1995 г. в Барселоне было положено начало Европейско-Средиземноморскому партнерству (ЕСП, *Euro-Mediterrane Partnerschaft*, EMP). Тем самым была предпринята попытка географически урав-

[1] *Так в оригинале. Автор подразумевает различные «политики». – Прим. пер.*

[2] *Страны Балтии не входили в СНГ.*

новесить ЕС, который в своих новых приоритетах чрезмерно уклонялся на восток. Наряду с ЕС в партнерстве (ЕСП) приняли участие все средиземноморские страны, кроме Западных Балкан и Ливии (которая была принята в качестве ассоциированного члена в 1999 г.). Даже Иордания, не имевшая своего выхода к морю, приняла участие в программе.

Таким образом, к концу 1995 г. ЕС выработал специальные – хотя и различные – виды внешней политики для всего соседствующего с ним пространства, причем в фокусе этой политики была даже Центральная Азия. В то же время ЕС предпринял меры, чтобы четче организовать и по возможности уменьшить пространство, лежащее между ЕС и его соседями. Ранее (до 1995 г.) вступили в ЕС нейтральные европейские государства – Финляндия, Швеция и Австрия. Таким образом, все западноевропейские государства, за исключением Швейцарии, к 1995 г. были членами либо ЕС, либо НАТО, а чаще всего – и того и другого. С точки зрения ЕС, все европейское пространство было к этому времени поделено на следующие зоны: 1) ЕС и западноевропейские государства; 2) кандидаты на вступление в ЕС, а также государства Западных Балкан, вступление которых в ЕС не исключалось; 3) СНГ на востоке и государства Средиземноморского партнерства на юге; 4) периферия, т.е. государства, с которыми у ЕС никаких особых отношений и программ не существовало.

Эта градация оставалась неизменной до конца тысячелетия. Однако с приближением крупнейшего к тому времени расширения в конце 2001 г. все громче начали раздаваться призывы к разработке особой политики для будущих непосредственных соседей ЕС на востоке [Arbeitsprogramm der Kommission, S. 9]. Сначала предполагалось создать новые рамки для отношений с «новыми соседями» – Белоруссией, Украиной и с учетом грядущего вступления Румынии в ЕС – с Молдавией. Вскоре, впрочем, сложилось и окрепло убеждение в том, что в эти рамки следует включить Россию, а также государства Южного Средиземноморья [подробнее см.: Comelli]. В итоге и возникла концепция Европейской политики соседства. Россия стояла в ней особняком – особое политическое и стратегическое значение этого государства предполагало двустороннее стратегическое партнерство между ней и Евросозом.

Таким образом, ЕПС нацеливалась, в первую очередь, на возможно более полную стандартизацию политических рамок для отношений как со странами СНГ, так и с участниками ЕСП, причем для южных соседей ЕС инструментом поддержки была программа MEDA (*Mésures d'accompagnement financières et techniques*), точно так же как TACIS – для соседей на востоке Европы, а также для тех южнокавказских и центральноазиатских членов СНГ, которые сначала не были интегрированы в политику соседства. Кандидаты на вступление в ЕС – Мальта и Кипр, которые сначала были в ЕСП, были исключены из MEDA, как и Турция, перспективы которой на вступление в ЕС были подтверждены в Хельсинки в 1999 г. Эти три государства внешнеполитически были отнесены не к «пространству соседей», а к будущему пространству ЕС.

От расширения – к политике соседства

По окончании двух масштабных расширений ЕС в мае 2004 г. и январе 2007 г. географическое пространство между ЕС и его соседними государствами снова уменьшилось: в нем остались лишь потенциальные кандидаты на вступление в ЕС – западные балканские государства и Турция. В то же время среди тех государств, которые до сих пор не были включены в ЕПС, а охватывались лишь программой TACIS, произошло разделение. Те, что в настоящее время граничат с потенциальными кандидатами на вступление, были включены в ЕПС. Именно таким образом в ЕПС были в июне 2004 г. интегрированы государства Южного Кавказа – Армения, Азербайджан и Грузия[1]. Поддержка Евросоюзом Монголии была в том же году от TACIS переадресована программе поддержки азиатских и латиноамериканских государств (ALA). Что же касается центральноазиатских государств – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, – то в начале 2007 г. они были интегрированы в новую программу – Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI), возникший в результате слияния TACIS и MEDA. Таким образом, те адресаты TACIS, кото-

[1] *Даже Азербайджан отвечает необходимым чисто географическим критериям, гранича у Арала на протяжении 10 км с кандидатом на вступление в ЕС – Турцией.*

рые не были интегрированы в ЕПС, были – за исключением России – охвачены специальной программой помощи развитию и экономического сотрудничества[1]. Возникло еще одно «пространство соседей», примыкающее к непосредственным соседям.

Эта постепенная географическая консолидация «пространства соседей» привела к возникновению четко очерченного кольца вокруг ЕС – от государств Магриба, Южного и Восточного Средиземноморья, Южного Кавказа – до Украины и Белоруссии. Это кольцо окружает не только расширенный в 2004–2007 гг. ЕС, но и его потенциальных кандидатов на вступление. Единственный разрыв в кольце – на внешней границе Турции. За исключением этой проблематичной границы, можно было бы сказать, что ЕС предварительно достиг своего географического завершения, своей *finalité géographique* [Tocci, p. 28]. Однако в этом вопросе окончательного единства пока нет. Кроме того, стандартизация европейского внешнеполитического инструментария, нашедшая было свое выражение в ЕПС и Европейском инструменте соседства и партнерства, до сих пор не окончательна: членам ЕС не хватает единства, у многих из них имеются свои давние, исторически сложившиеся приоритеты в отношениях с теми или иными государствами, участвующими в этих программах.

О логике ЕПС и ее вкладе в процессы политической консолидации Евросоюза

Как было сказано выше, важнейшим следствием ЕПС было географическое завершение кольца государств вокруг ЕС. Создание такого кольца, равно как и создание общего политического инструментария для отношений с соседями, показывает, что ЕС заинтересован не только в его сохранении, но и в дальнейшем политическом и экономическом укреплении, поскольку это кольцо должно будет играть роль своеобразного «буфера» (*Semiperipherie,* полупериферии) между ЕС и собственно периферией [Del Sarto, Schumacher, p. 21]. Наличие подобных интересов со стороны ЕС

[1] *Это, разумеется, не исключает для центральноазиатскиxx стран возможности получать в отдельных случаях поддержку, минуя ENPI [Verordnung EG].*

становится очевидным при анализе характера его отношений с соседями. Уже сегодня они во многом взяли на себя «буферную» роль. В социоэкономическом отношении эти государства образуют особую группу. Среднегодовой доход на человека значительно ниже, чем в ЕС, но вместе с тем лишь ненамного ниже, нежели у потенциальных кандидатов на вступление. В сравнении же с «соседями соседей» их положение несравнимо лучше. Уже в силу этого они могут абсорбировать хотя бы некоторую часть мигрантов, стремящихся в ЕС[1].

Поэтому немалые усилия ЕС направлены на экстернализацию в «пространство соседей» тех политических и юридических процессов, которые связаны с вопросами миграции. Предполагается, что вскоре соседи смогут перенять и роль политической «полупериферии». У Евросоюза существуют очень четкие представления о том, как эти государства должны быть организованы и управляемы. В Европейской стратегии безопасности не случайно подчеркивается, что в интересах Евросоюза обеспечить наличие «ответственных правительств» в этих странах [Ein sicheres Europa, S. 7; Smith, p. 763]; безопасность, стабильность, благосостояние и ответственное правление в документах по ЕПС объявляются ценностями, целями и интересами, общими для ЕС и для его соседей, хотя на самом деле они, разумеется, в первую очередь относятся к ЕС [Del Sarto, Schumacher, p. 23; Marchetti, p. 14]. Функции, которые ЕС предназначит своим соседям, позволяют констатировать, что в основе своей ЕПС подчинена геостратегической логике. Этот факт был, кстати, отмечен некоторыми исследователями еще в начальной фазе ЕПС [Guérot, Witt, S. 11.]. Дальнейшее политическое и географическое развитие ЕПС во многом подтвердило эти анализы, которые ни разу не опровергались официальными европейскими инстанциями. Более того, в сообщении о развитии ЕПС от июня 2007 г. эти цели даже подчеркиваются: «Поддержка стабильности, правовой государственности, прав человека, лучший стиль государственного управления и модернизация экономики у наших соседей – все это является важнейшим геополитическим условием для дос-

[1] *В этом плане интересен критический анализ, предложенный Ж.-К. Руфен, в котором в качестве примеров «буферных государств», прилегающих к тем или иным центрам, называются Мексика и в 1994 г. – Турция [Rufin, S. 198].*

тижения наших стратегических целей, для преодоления стоящих перед нами препятствий и для реализации плодов тесного политического и экономического сотрудничества» [Tagung des Rates].

Этот подход облегчается и тем, что отношения между ЕС и его соседями очень асимметричны: все финансирование ЕПС ведется за счет ЕС. Однако в то же время эти отношения определяются и взаимопроникновением, взаимозависимостью, поскольку «во времена глобализации дальние угрозы так же опасны, как и ближние» [Ein sicheres Europa, S. 6]. Поэтому ЕС заинтересован в сотрудничестве, облегчающем ему возможность инструментализации втянутых в политику соседства стран. Причем эта инструментализация полезна для обеих сторон[1].

ЕС принял однозначное решение в пользу политики соседства. В то же время он четко сознает дилеммы, которые она создает для него: 1) дилемма между принципиальной открытостью ЕС и необходимостью проведения четких границ; она следует не только из концепции «кольца государств-соседей» вокруг ЕС, но в значительно большей мере – из его политики расширения; 2) конфликт между необходимым укреплением единой европейской политики и постоянно проявляющимися «национальными эгоизмами» тех или иных членов, сводящими на нет стремление к политическому единству.

Политика соседства: между расширением и внешней политикой

Несмотря на всю открытость Евросоюза по отношению к своим соседям, он не оставляет им ни малейших шансов на будущее членство в ЕС.

Более того, в документах, регулирующих прием новых государств согласно ст. 49 Договора о ЕС (EUV), нет ни слова о применении этой статьи к государствам, интегрированным в политику соседства [Grösseres Europa, S. 5; Europäische Nachbarschaftspolitik, S. 3]. Своим соседям ЕС готов предложить практически все, «кроме

[1] *Теории зависимости (Dependenz-Theorien) отрицают возможность взаимной выгоды (win-win-games) и, возможно, как раз поэтому не замечают взаимозависимости.*

членства». Это и понятно: свою функцию «полупериферии», иными словами – буфера, государства-соседи могут выполнять и не будучи членами ЕС. Поэтому среди государств, интегрированных в «политику соседства», нет ни кандидатов на вступление, ни тех государств Западной Европы, которые, гранича с Евросоюзом и географически являясь его соседями, политически никогда не станут его «полупериферией». В ближайшем будущем государствам, интегрированным в «политику соседства», перспектива членства в ЕС предоставлена не будет. Развитие «политики соседства» со странами на юге и востоке Европы не случайно идет синхронно (см. табл. на с. 90) – этим выражается принцип «равноправия» всех этих стран в рамках данной политики, хотя, возможно, для стран Средиземноморья перспектива вступления еще менее реальна, чем для партнеров на востоке Европы [Größeres Europa, S. 5]. Кроме того, целый ряд преимуществ «политики соседства» разработан, в первую очередь, с учетом запросов соседей на Востоке. Действительно, для средиземноморских стран, например, реальное участие во внутреннем рынке и связанное с этим принятие значительных частей *acquis communautaire* оказалось бы сложным [Schmid, S. 122].

В то же время для некоторых участников «политики соседства» на востоке Европы, в частности, для Белоруссии, Украины и Молдавии, возможная, хотя и дальняя, перспектива вступления вполне могла бы быть согласована с логикой этой политики. Ведь эти страны граничат с Россией, а с Россией ЕС не только граничит, но и осуществляет «стратегическое партнерство», причем Россию никак нельзя назвать «периферией». Поэтому даже с вступлением Белоруссии, Украины и Молдавии в Евросоюз, последний не выйдет на непосредственную границу с «периферией». Однако именно в случае с этими тремя государствами следует учитывать, что Россия негативно относится к включению в ЕС стран «ближнего зарубежья» [Emerson, p. 30][1]. Поэтому претензии южнокавказских государств – Армении, Азербайджана и Грузии – на членство в ЕС скорее всего так и останутся претензиями. Эта оценка подкрепляется грузинско-российским конфликтом в августе 2008 г. и различ-

[1] *Для описания положения этих государств между Западом (ЕС) и Востоком (Россия) М. Эмерсон использует понятие «divided peripheries» и применяет его к региону Южного Кавказа.*

ными взглядами ЕС и России на статус Абхазии и Южной Осетии. И наконец, вступление южнокавказских государств в ЕС не только осложнило бы отношения с Россией, но и привело бы ЕС в регионе Каспийского моря к новой границе с «периферией». Поэтому до сих пор ЕС – на официальном уровне – весьма сдержанно реагировал на «европейские амбиции» в этом географическом пространстве.

И тем не менее в Евросоюзе есть сторонники дальнейшего его расширения на восток. Польша, например, поддерживает стремление Украины «войти» в Европу, в то время как ФРГ и другие «старые» члены ЕС очень сдержанны во всем, что касается увеличения круга кандидатов на вступление. В целом как раз по границам ЕС можно наблюдать «движение друг к другу», своего рода географический фактор сближения. С одной стороны, успех европейской модели привлекает к ЕС граничащих с ним соседей, с другой – «крайние» члены ЕС, с особой силой ощущающие неизбежное давление иммиграции и иные угрозы для своей безопасности и своего благосостояния, в неизмеримо большей степени заинтересованы в дальнейшем расширении ЕС, нежели страны «европейского ядра». Это двойное давление могло бы вести к непрерывному территориальному росту ЕС до тех пор, пока динамика процесса не затормозилась бы по той причине, что финансовая стоимость расширения стала бы наносить благосостоянию стран «европейского ядра» значительно больший ущерб, чем давление снаружи – благосостоянию пограничных стран.

В конечном счете создается равновесие, при котором дальнейшее расширение теряет смысл [Marchetti, 2008, S. 155 и далее]. Судя по всему, этой стадии ЕС – в большей или меньшей степени – достиг после двух значительных расширений в 2004 и 2007 гг. Аналогичных территориальных скачков скорее всего уже не будет. Поэтому «политика соседства» выступает своего рода заменой постепенно сходящей на нет «политики расширения». С одной стороны, она препятствует возникновению новых линий раздела в Европе – между Евросоюзом и государствами, не являющимися его членами, с другой – исключает дальнейшее территориальное расширение ЕС.

Однако прошедшее десятилетие показало, что именно реальная перспектива вступления в ЕС была основным гарантом демократизации и стабилизации государственных и экономических систем соответствующих стран. С исчезновением этой «приманки»

ЕС придется более интенсивно заняться теми аспектами ЕПС, которые по своей привлекательности могли бы конкурировать с членством в ЕС [Lippert, 2006b]. При этом сами страны – члены ЕС отнюдь не едины в вопросе о том, как далеко по этому пути они намерены идти, не говоря уж о том, куда вообще заведет этот путь. Поэтому следует дождаться первых результатов. Они покажут, насколько ЕС будет в состоянии – в особенности по отношению к своим восточным соседям, «кандидатам на вступление без перспективы на вступление» [Herausforderungen und Probleme, S. 26], – так выстроить свою политику, чтобы этим странам осталась хотя бы «перспектива перспективы» [Gabanyi]. Причем такая, которая не институционализировала бы ожидания этих стран на членство в ЕС, поскольку этих ожиданий ЕС в обозримом будущем ни при каких обстоятельствах не сможет оправдать. В чем-то эта позиция ЕС напоминает концепцию «привилегированного партнерства» с Турцией. Однако как раз в силу сложившейся с Турцией ситуации теоретики ЕПС стараются по мере возможности (хотя и не всегда) избегать этого понятия[1]. Слишком уж оно отягощено политически.

Таким образом, можно констатировать, что существующие претензии на членство в ЕС в «пространстве соседей» находятся в противоречии с распространенным внутри самого ЕС требованием географической консолидации (а то и окончательного закрытия) европейского проекта. Таким образом, еще одной целью ЕПС является смягчение давления со стороны государств-соседей, стремящихся стать членами ЕС.

ЕПС: между общеевропейской концепцией и национально-государственными интересами

Для реализации единой «политики соседства» ЕС в относительно короткий срок создал новые, единые рамки для отношений с государствами-соседями, значительно более простые, нежели его

[1] *Понятие «привилегированного партнерства» (privilegierten Partnerschaft) употребляется в немецкоязычной версии документа [Europäische Nachbarschaftspolitik, S. 3]. В англоязычной же версии, напротив, говорится о «privileged relationship», а во французской – о «relation privilégiée», о привилегированных отношениях. Такой же вариант употребляется и в других языках Европы-15.*

обычный внешнеполитический режим. Внешнеполитические инструменты, используемые ЕС в отношениях с другими государствами, решением Европейской комиссии от сентября 2004 г. были сокращены для государств-соседей с тридцати до шести [Über die Außenhilfeinstrumente, S. 377 и далее]. В то же время при всем упрощении и гармонизации внешней политики по отношению к государствам-соседям было необходимо – уже в силу того значения, которое имеют эти государства для ЕС, – уделять им особое внимание. Статья 8 Лиссабонского договора отводит этим государствам особое место – точно так же, как это имело место в ст. I–57 неутвержденного европейского Конституционного договора:

«1. Союз развивает особые отношения со странами, соседствующими с ним, с тем чтобы создать пространство благосостояния и добрососедства, базирующееся на ценностях Союза и характеризующееся тесными, мирными отношениями сотрудничества.

2. Для достижения целей, зафиксированных в абзаце 1, Союз может заключать специальные соглашения с соответствующими странами. Эти соглашения могут касаться взаимных прав и обязанностей, равно как и возможностей совместных действий.»

Хотя эта статья и не является чем-то принципиально новым для отношений ЕС со странами-соседями[1], она отчетливо показывает, что для ЕС отношения с соседями значительно более важны, чем с иными третьими странами. До сих пор правовые нормативы, регулировавшие отношения с пространством соседей, были чрезвычайно разнообразны. Так, отношения со странами Средиземноморья базировались на части V EUV (единая внешняя политика) и ст. 133 EGV (торговля и пошлины), ст. 310 EGV (ассоциирующие соглашения) и ст. 308 (MEDA). Отношения со странами, ранее входившими в состав СССР, также базировались на части V EUV и ст. 133 EGV, а также на ст. 300 EGV (соглашения о партнерстве и кооперации) и на ст. 308 EGV (TACIS). Эти статьи в известной мере лежат и в основе сотрудничества ЕС с развивающимися странами, которое наряду со ст. 177–181 EGV базируется на ст. 133 EGV (общие соглашения о системе преференций и кооперации), ст. 310 EGV (ассоциирующие соглашения), а также ст. 308 EGV (ALA). Положения

[1] *О взаимоотношениях с соседями в Конституционном договоре см.: Б. Липперт [Lippert, 2005, S. 377 и далее].*

Лиссабонского договора показывают стремление ЕС выделить страны, интегрированные в ЕПС, из этого общего контекста и поставить их в особое положение, отражающее их возросшее значение для ЕС [Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik].

Таблица

Отношения ЕС со странами, интегрированными в политику соседства (ЕПС)

Государство	Правовая основа			«Сообщение о стране»	Принятие плана действий	
	тип*	подписание	вступление в силу		Евросоюзом	государством-соседом
Египет	АС	06/2001	06/2004	03/2005	03/2007	03/2007
Алжир	АС	04/2002	09/2005	–	–	–
Армения	СПК	04/1996	07/1999	03/2005	11/2006	11/2006
Азербайджан	СПК	04/1996	07/1999	03/2005	11/2006	11/2006
Грузия	СПК	04/1996	07/1999	03/2005	11/2006	11/2006
Израиль	АС	11/1995	06/2000	05/2004	02/2005	04/2005
Иордания	АС	11/1997	05/2002	05/2004	02/2005	02/2005
Ливан	АС	06/2002	04/2006	03/2005	10/2006	01/2007
Ливия	–	–	–	–	–	–
Марокко	АС	02/1996	03/2000	05/2004	02/2005	07/2005
Молдавия	СПК	11/1994	07/1998	05/2004	02/2005	02/2005
Палестинская автономия	АС	02/1997	07/1997	05/2004	02/2005	05/2005
Сирия	–	–	–	–	–	–
Тунис	АС	07/1995	03/1998	05/2004	02/2005	07/2005
Украина	СПК	06/1994	03/1998	05/2004	02/2005	02/2005
Белоруссия	СПК	03/1995	–	–	–	–

* АС – Ассоциирующие соглашения; СПК – соглашения о партнерстве и кооперации.

Источник: Interim-AbKommen. – Mode of access: http://ec.europa.eu

Основы ЕПС Комиссия разработала еще в мае 2004 г. в своем стратегическом документе [Europäische Nachbarschaftspolitik][1]. Они следовали образцам, по которым ранее составлялись индивидуаль-

[1] *В документе «Усиление Европейской политики соседства» она названа «центральным приоритетом внешней политики Евросоюза».*

ные соглашения и программы кооперации и помощи. На основании детального изучения ситуации в этих странах и их описания («Сообщение о стране») Комиссия разработала для каждой из них индивидуальный план действий. На основе этих планов для каждой страны следовало разработать конкретные мероприятия в рамках ЕПС. Планы действия были структурированы так, чтобы охватить как политические и экономические, так и культурные аспекты отношений с соседями.

При составлении планов действия ЕС предоставляет право голоса и странам-соседям. Такой «дифференцированный билатерализм» [Del Sarto, Schumacher] позволяет учесть специфические потребности отдельных государств, сохраняя при этом единые политические рамки.

ЕПС открывает странам-соседям перспективы, далеко превосходящие те, что содержались в ранее заключенных соглашениях. Речь идет уже не просто о торговле или же создании таможенного союза. ЕС открывает своим соседям перспективу «постепенного участия в едином рынке» [Europäische Nachbarschaftspolitik, S. 3], хотя в последнее время перспектива эта не имеет столь четких очертаний, нежели в начальной фазе ЕПС. Финансовое обеспечение ЕПС значительно лучше, нежели у предыдущих программ сотрудничества. Если расходы на MEDA и TACIS с 2000 по 2006 г. составили около 8,5 млрд. евро, то для Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) с 2007 по 2013 г. предусмотрены почти 11,2 млрд. евро [Verordnung EG]. Причем центральноазиатские государства (Казахстан, Киргизстан и Узбекистан), до сих пор получавшие поддержку по программе TACIS, в ENPI не интегрированы, они проходят по графе «сотрудничество с развивающимися странами»[1]. Такая же картина открывается при исследовании кредитов Европейского инвестиционного банка (EIB) государствам-соседям. На период с 2007 по 2013 г. он получил от Совета мандат

[1] *И это несмотря на все большее сходство правовых нормативов, регулирующих сотрудничество центральноазиатских государств с ЕС, с такими же нормативами, регулирующими отношения с Евросоюзом государств-соседей. Соглашения о партнерстве и кооперации с Казахстаном, Киргизстаном и Узбекистаном вступили в силу в июле 1999 г. Соглашения с Таджикистаном и Туркменистаном еще не вступили в силу.*

на 12,4 млрд. евро, из которых 8,7 млрд. предназначены для стран Средиземноморья, а 3,7 млрд. – для шести соседей ЕС на востоке Европы и для России [Verodnung EG]. Таким образом, и здесь по сравнению с предыдущими семью годами выделено значительно больше средств [Europäische Investitionsbank].

Поскольку, с одной стороны, в связи с глобализацией усиливаются процессы взаимопроникновения и взаимосвязей, а с другой – государства-соседи не всегда сотрудничают друг с другом, ЕС старается регионально дифференцировать свою политику по отношению к ним. В сообщении о ЕПС, разработанном в 2007 г. во время немецкого председательствования в Евросовете [Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik], предлагалось дополнить билатерализм региональными компонентами и сделать ЕПС тем самым более многосторонней. Поэтому наряду с национальными стратегиями (2007–2013) и индикативными программами (2007–2010) были разработаны и региональные, причем отдельно для Средиземноморья и «восточного региона»[1]. Политика по отношению к странам Средиземноморья и раньше учитывала региональные компоненты (Барселонский процесс, 1995 г.), для соседей же на востоке подобный шаг предпринимался впервые.

Этот подход, делающий различие между Востоком и Югом, указывает на сложность выработки единой ЕПС, поскольку наряду с гетерогенностью государств в ней необходимо учитывать и различные географические приоритеты государств – членов ЕС. Разумеется, интенсивные отношения со странами-соседями остаются главной целью ЕПС, однако в рамках этой цели интересы стран-членов могут быть различными, а в результате возникает опасность, что с трудом разработанные единые политические и технические рамки ЕПС не смогут быть соблюдены.

Особенно наглядно это столкновение приоритетов в вопросах поддержки тех или иных соседей, имевшее место в прошлые годы, можно продемонстрировать на примере ФРГ и Франции.

Перед началом своего председательствования в Совете в первой половине 2007 г. Германия продемонстрировала свой интерес к усилению взаимоотношений с соседями на Востоке. В новом Плане германского МИДа, разработанном летом 2006 г., в первую очередь

[1] *Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Азербайджан, Грузия и Россия.*

речь шла об основах «новой восточной политики». Разумеется, в документ входили не только положения ЕПС, речь шла также и о расширении партнерства с Россией и об углублении отношений с государствами Центральной Азии – триада, включенная позже в «Президентскую программу»[1]. Касательно дальнейшего развития ЕПС рабочий документ германского МИД предполагал, что в эту политику европейские соседи ЕС должны быть интегрированы значительно глубже, нежели соседние с Европой страны[2]. Из этого выводилась идея о «модернизирующем партнерстве» ЕС со странами Восточной Европы и Южного Кавказа. Она предполагала распространение правового пространства ЕС на Украину, Молдавию, Грузию, Армению, Азербайджан и, когда наступит время, – на Белоруссию. Предполагалось также заключение более тесных договоров между ЕС и каждой из этих стран.

Хотя многочисленные элементы немецкой программы и были использованы Комиссией в ее документах по усилению ЕПС, однако предлагаемое немецким правительством смещение географических приоритетов в пользу восточноевропейских государств принято не было, равно как предложение создать новые институциональные рамки для отношений с этими государствами [EU-25/27; Kempe]. Напротив, комиссия подчеркнула необходимость «создать всем равные перспективы» [Über die Stärkung…]. Эта формулировка показала, что члены ЕС по-прежнему внимательно следят за соблюдением своих частных интересов и не допустят дискриминации «своих» соседей.

Точно так же критически, как восприняли средиземноморские члены ЕС особые интересы Германии по отношению к востоку Европы, отнеслось германское правительство чуть позже к выдвинутому французским президентом Саркози предложению создать Средиземноморский союз [Zorob]. Саркози пропагандировал, по сути, *географический* союз государств Средиземноморья, который должен был прийти на смену «неудавшемуся» (по мнению Саркози) Барселонскому процессу, однако ему пришлось отступить

---

[1] *Имеется в виду программа периода немецкого председательства в Совете [Europa gelingt gemeinsam, S. 22].*

[2] *Реакцию на этот документ см. в публикации «Франкфуртер альгемайне цайтунг» [Berlin entwickelt].*

под давлением аргументов Ангелы Меркель, выступившей против подобного эксклюзивного союза. В марте 2008 г. французские планы, так же как годом раньше немецкие, были сокращены до приемлемого для всех членов ЕС масштаба. ЕС согласился на расширение сотрудничества с южными государствами, однако при условии сохранения и продолжения Барселонского процесса и существующих институциональных рамок ЕПС. Таким образом, ЕПС осталась общим делом всех членов ЕС. «Союз для Средиземного моря», основанный во время французского президентства в ЕС в июле 2008 г. в Париже, концентрируется на некоторых важных, специально для этого региона политических целях. Однако хотя союз и обзавелся собственным секретариатом, он все же не выходит за существующие институциональные рамки. Увеличение финансирования южных соседей не состоялось, точно так же как годом раньше восточных. Впрочем, в дискуссиях о географических приоритетах ЕПС последнее слово еще не сказано, как и в вопросах расширения ЕС. В мае 2009 г. на основе польско-шведской инициативы [Polish-Swedish Proposal] «Восточное партнерство» были разработаны институциональные рамки, дающие возможность более тесных отношений с восточными соседями ЕС. Причем предусматривается и постепенное усиление финансовой поддержки, впрочем, «не выходящей за пределы средств, предоставленных в рамках планов долгосрочного финансирования» [Rat der Europäischen Union]. Когда в политическую повестку дня ЕС будут включены аналогичные планы для южного, средиземноморского пространства, это вопрос исключительно времени: во-первых, следует соблюдать географическое равноправие между восточным и южным пространством, а во-вторых, учитывать интересы всех членов ЕС, особенно имеющих внешнюю границу. В каком же соотношении находятся эти инициативы с общей концепцией ЕПС? Представляется, что они не столько помогают, сколько вредят реализации этой действительно всеобъемлющей, стратегически взвешенной концепции, релятивируя и даже хуже – ставя под вопрос ее специфику. Выдвижение инициатив относительно «Новой восточной политики», «Средиземноморского союза» или же «Восточного партнерства» пришлось на начальную фазу ЕПС, когда она, равно как Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI), стартовавший в начале 2007 г., еще не достигла фазы консолидации, не говоря уж о том, чтобы

принести реальные плоды. Это же можно сказать и о европейской политике по отношению к Центральной Азии. С переводом программы TACIS в ENPI центральноазиатские государства были выведены за рамки ЕПС, однако в 2007 г., во время немецкого председательства в ЕС, по отношению к этому региону была реализована стратегия, отчетливо приблизившая его к ЕС по сравнению с другими государствами, не входящими в ЕПС.

Таким образом, с одной стороны, возникает вопрос, в какой мере немецкая и французская активность – и не только она – способствовала ослаблению географической консолидации Европейской политики соседства, не дав ей ни малейшего шанса на политическую консолидацию, напротив, превратив ее в перманентно развивающийся долгострой[1]. С другой стороны, усилия, направляемые ЕС на улучшение отношений с государствами на Востоке (и с Центральной Азией, имеющей для энергетической политики ЕС особое значение), вполне могут быть интерпретированы в русле официальной цели ЕПС. Это значит, что необходимо избегать «новых линий раздела», не только релятивируя границы между ЕС и его соседями, но и постепенно демонтируя барьеры между соседями и прилегающими к ним государствами, с тем чтобы создать объемное «пространство соседства» с многоступенчатыми переходами[2]. Эта интерпретация не противоречит концепции «пространства соседства» как пространства «полупериферии». Поскольку европейская политика по отношению к странам Средиземноморья после 11 сентября 2001 г. и террористических акций в Мадриде в 2004 г. и в Лондоне в 2005 г. все больше определялась соображениями политики безопасности, в ней усилилась тенденция к четкому определению границ ЕС, так что ситуация, подобная создавшейся на восточном направлении, на юге вряд ли возникнет. Однако это тоже скорее препятствие, нежели преимущество для единой и последовательной политики соседства.

---

[1] *Об этом, кстати, уже в начале немецкого президентства в Совете предупреждал М. Коопманн [Коортапп, p. 15].*

[2] *На необходимость работать и с «соседями соседей» указывалось, в частности, в документе Комиссии ЕС [Über die Stärkung, S. 13].*

Последствия и возможные перспективы

На первый взгляд, Европейская политика соседства вносит значительный вклад в политическую консолидацию Евросоюза. Однако вопросы о географическом расширении ЕС, равно как и о «пространстве соседства», до сих пор окончательно не решены. И то и другое пока что воспринимается в качестве текущих политических процессов с открытой перспективой. Кроме того, в силу различных частных интересов стран – членов ЕС, в особенности в том, что касается поддержки тех или иных государств-соседей, единые политические и институциональные рамки ЕПС оказались размытыми. Пока что эти рамки еще не выглядят абсолютно ненужными, но все новые частные инициативы в сочетании с попытками внешней консолидации ЕПС как элемента внешней политики ЕС вполне могут к этому привести. Фатальным этот процесс не является, поскольку как основы ЕПС, так и ее инструментарий предусматривают учет специфических особенностей и, если необходимо, дифференциацию. Однако все описанные выше процессы в сочетании с отсутствием четких политических ответов на важнейшие вопросы о будущем «пространстве соседства» создают серьезную проблему в отношениях между ЕС и его соседями. ЕПС приходится учитывать и отчасти завышенные ожидания ряда соседей (с их отчетливо выраженными надеждами на вступление в ЕС), и те позиции членов ЕС, в которых они достигли консенсуса. В связи с углублением процессов взаимозависимости Евросоюз, с одной стороны, заинтересован в возможно более тесной связи с соседями и их интеграции в те или иные сферы европейских процессов. С другой стороны, ЕС по соображениям безопасности старается провести четкое размежевание границ. Причем это касается не только юга. Расширение шенгенского пространства на восток обострит эту проблему, создавая новые линии раздела [Zalewski, S. 65], которые окажут негативное воздействие на процессы ЕПС [Europäische Nachbarschaftspolitik, S. 3]. Кроме того, прошедшее десятилетие показало, что именно перспектива вступления в ЕС явилась наиболее действенным стимулом для проведения реформ в соответствующих государствах. Когда же такой перспективы не было, то и ситуация с реформами была в высшей степени неудовлетворительной – примером может служить Европейско-среди-

земноморское партнерство[1]. Поскольку в ЕС, однако, наблюдается «усталость» от расширения и все чаще раздаются призывы к институциональной консолидации, политика расширения, некогда являвшаяся важнейшим и самым действенным внешнеполитическим инструментом ЕС, будет постепенно сходить на нет. Заменой политике расширения должна стать ЕПС, которая имеет шанс занять важнейшее место в системе внешних сношений ЕС.

Однако удастся ли Евросоюзу, когда он окажется не в состоянии предложить своим соседям «золотую морковку» – перспективу на вступление в ЕС, – и не просто заменить ее «серебряной морковкой» политики соседства, но и вырастить эту «морковку» столь сладкой, чтобы соседи довольствовались ею и не стучались постоянно в двери ЕС [Dannreuther, S. 189]. Позитивное развитие возможно лишь в том случае, если ЕПС будет выгодна обеим сторонам.

ЕС должен сделать сотрудничество в рамках ЕПС привлекательным для соседей и приспособить его к потребностям каждой конкретной страны [Lippert, 2006 a, S. 149–157]. Например, можно сделать шаги к облегчению визового режима с государствами-соседями. Еще одним вариантом сближения могла бы быть, например, частичная интеграция соседей в те или иные европейские процессы, которая могла бы привести к постепенному становлению «большой Европы» концентрических кругов. Кроме того, результативная политика соседства должна смотреть дальше, чем ЕПС. Долгосрочную и взаимную пользу ЕПС принесет в том случае, если ее удастся гармонизировать с Единой внешней политикой и со всей системой внешних сношений ЕС. Это касается, например, сотрудничества ЕС с развивающимися странами, такой помощи в развитии, которая приведет к снижению давления иммиграции не только на членов ЕС, но и на страны-соседи. Это касается и реформы тех областей внутренней политики ЕС, которые имеют внешнеполитический выход – например, политики в сфере сельского хозяйства и рыболовства.

Однако в первую очередь ЕС должен покончить с лавированием и четко ответить на вопрос, как именно он хочет в перспекти-

[1] *При этом, разумеется, следует отметить, что этот процесс, пусть даже не достигнув своих высших целей, все же является качественным прогрессом по сравнению с предыдущей политикой по отношению к этому пространству.*

ве развивать свои отношения с соседями. Это – не просто вопрос его политической достоверности и предсказуемости, но и необходимое условие для выработки долгосрочных стратегий. И он должен быть решен, если ЕС не хочет, чтобы с ЕПС случилось то же, что и с предыдущими инициативами по отношению к соседям с их частичными успехами и нередко с взаимной неудовлетворенностью.

В силу асимметричности отношений между ЕС и его соседями характер Европейской политики соседства, направление, которое она примет, в значительной степени зависят от ЕС. Но как бы ни развивались события, Евросоюз не должен поддаваться искушению ослабить свою деятельность в «пространстве соседства», ибо он слишком сильно зависит от него.

Литература

Arbeitsprogramm der Kommission für 2002, KOM(2001) 620 / Kommission der Europäischen Gemeinschaften. – Brüssel, 2001. – 5. Dezember. – S. 9.

Berlin entwickelt neue Nachbarschaftspolitik für die EU. – Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt .a. M., 2009. – 28. August. – Mode of access: www.faz.net

Beschluss des Rates/ EU, N. 2000/24/EG, Art. 1 Abs. 1 ABl. L 9, 13. Januar 2000.

Browning Ch., Joenniemi P. Geostrategies of the European Neighbourhood Policy // European journal of international relations. – L., 2008. – Vol. 14, N 3. – P. 519–551.

Comelli M. The Challenges of the European Neighbourhood Policy // The International spectator. – Roma, 2004. – Vol. 39, N 3. – P. 98–101. – Mode of access: http://www.iai.it/SECTIONS_EN/PUBBLICAZIONI/THEINTERNATIONALSPECTATOR/issues/2004_3.asp

Dannreuther R. Developing the alternative to enlargement: The European neighbourhood policy // European aoreign affairs review. – Montreal, 2006. – Vol.11, Issue 2. – P. 183–201. – Mode of access: http://www.kluwerlawonline.com/toc.php?area=Journals&mode=bypub&level=6&values=Jour-
nals%7E%7EEuropean+Foreign+Affairs+Review%7EVolume+11+%282006%29
%7EIssue+2

Del Sarto R., Schumacher T. From EMP to ENP: What's at stake with the European Neighbourhood Policy towards the Southern Mediterranean? // European Foreign Affairs Review. – Montreal, 2005. – Vol. 10, N 1. – P. 17–38.

Ein sicheres Europa in einer besseren Welt. Europäische Sicherheitsstrategie. – Brüssel, 2003. – 16 S. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/031208ESSIIDE.pdf

Emerson M. The Elephant and the Bear: The European Union, Russia and their Near Abroads. – Brüssel, 2001. – 86 p.

Erweiterungsstrategie und wichtigste Herausforderungen für den Zeitraum 2006–2007 mit Sonderbericht über die Fähigkeit der EU zur Integration neuer Mitglieder / Kommission der Europäischen Gemeinschaften.KOM (2006) 649 endgültig. – Brüssel, 2006. – 8. November. – 69 S. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2006/nov/com_649_strategy_paper_de.pdf

«Europa gelingt gemeinsam». Bundesregierung: Präsidentschaftsprogramm 1. Januar-2007. – 30. Juli. – Mode of access: http://www.eu2007.de/includes/Downloads/Praesidentschaftsprogramm/EU-P-AProgr-d-2911.pdf

Europäische Nachbarschaftspolitik. Strategiepapier / Kommission der Europäischen Gemeinschaften / KOM (2004) 373 endgültig. – Brüssel, 2004. – 12. Mai. – 38 S. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/strategy/strategy_paper_de.pdf

Europäische Investitionsbank: Überblick über die EIB-Mandate für Finanzierung ausserhalb der EU im Zeitraum 2001–2013 (Hintergrundinformation 07). – Luxemburg, 2007. – 8. Februar.

Europäische Sicherheitsstrategie. – Brüssel, 2003. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/031208ESSIIDE.pdf

EU-25/27 Watch. Institut für Europäische Politik. – Mode of access: http://www.eu-consent.net/library/EU25Watch/EU-25-27_Watch_No.4.pdf

Gabanyi A.U. Die Perspektive einer Perspektive: Moldova und die Neue Nachbarschaftspolitik der EU // Osteuropa. – Berlin, 2005. – N 2. – S. 24–39.

Größeres Europa – Nachbarschaft: Ein neuer Rahmen für die Beziehungen der EU zu ihren östlichen und südlichen Nachbarn / Kommission der Europäischen Gemeinschaften / KOM (2003) 104 endgültig. – Brüssel, 2003. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_de.pdf

Guérot U., Witt A. Europas neue Geostrategie // Aus Politik und Zeitgeschichte. – Bonn, 2004. – N 17. – S. 6–12. – Mode of access: http://www.bpb.de/files/AXQMTY.pdf

Herausforderungen und Probleme eines anspruchsvollen Politikkonzepts // Partner oder Beitrittskandidaten? Die Nachbarschaftspolitik der Europäischen Union auf dem Prüfstand. – Baden-Baden, 2006. – 226 S. – (Denkart Europa; 2).

Kelley J. New wine in old wineskins: Promoting political reforms through the New European neighbourhood policy // Journal of Common Market Studies. – L., 2006. – N 1. – P. 29–55. – Mode of access: http://

faculty.law.ubc.ca/biukovic/IEST531/externalrelations/EUlaw%20index_files/Kelley-ENP.pdf

Kempe I. Was sind die Pfeiler einer «Neuen Ostpolitik» im Rahmen der deutschen EU-Präsidentschaft? – Mode of access: http://www.caucaz.com/home_de/breve_contenu.php?id=230

Koopmann M. Fondements et objectifs de la présidence allemande du Conseil de l'Union européenne (Note du Cerfa, 39). – P., 2006. – P. 17. – Mode of access: http://www.ifri.org/downloads/ndc39koopmann.pdf

Lippert B. Assoziierung plus gesamteuropäische Aufgabenföderation: Plädoyer für eine selbstbewusste EU-Nachbarschaftspolitik // Integration. – Berlin, 2006 a. – Vol. 29, N 2. – S. 149–157.

Lippert B. Beefing up the ENP. Towards a Moderniation and Stability Partnership // The International spectator. – Roma, 2006 b. – Vol. 41, N 4. – S. 85-100.

Lippert B. Die Union und ihre Nachbarn nach dem Verfassungsvertrag // Der Vertrag über eine Verfassung für Europa: Analysen zur Konstitutionalisierung der EU. – Baden-Baden, 2005. – S. 367-382. – (Europäische Schriften, 83).

Marchetti A. Eine neuerliche EU-Erweiterungsrunde? Deutsche und polnische Standpunkte zur Frage eines EU-Beitritts der Ukraine und der Türkei // Deutschland und Polen: Die europäische und internationale Politik. – Wiesbaden, 2008. – S. 137–160.

Marchetti A. The European Neighbourhood Policy. Foreign Policy at the EU's Periphery.– Bonn,2006. – 36 p. – (ZEI Discussion Paper). – Mode of access: http://www.zei.de/download/zei_dp/dp_c158Marchetti.pdf

Polish-Swedish Proposal: Eastern Partnership (23 May, 2008). – Mode of access: http://www.tepsa.eu/docs/draft_proposal_eastern_partnership.pdf

Rat der Europäischen Union: Tagung des Europäischen Rates in Brüssel vom 19/20. März 2009. Schlussfolgerungen des Vorsitzes. Anlage 2: Erklärung des Europäischen Rates zur Östlichen Partnerschaft. – Brüssel, 2009.

Rufin J.-Ch.: Die Diktatur des Liberalismus. – Reinbek, 1994.

Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik. Tagung des Rates (Allgemeine Angelegenheiten und Außenbeziehungen) am 18/19. Juni, 2007. Fortschrittsbericht des Vorsitzes. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Europa/Aussenpolitik/Regionalabkommen/Nachbarschaftspolitik-ERJuni07.pdf

Schlussfolgerungen des Vorsitzes / Europäischen Rat. – Kopenhagen, 21–22. Juni 1993. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressData/de/ec/72924.pdf

Schmid D. Die Europäische Nachbarschaftspolitik und die euromediterrane Partnerschaft: das Ende einer regionalen Ambition? // Partner oder Beitrittskandidaten? Die Nachbarschaftspolitik der Europäischen Union auf

dem Prüfstand /Martin Koopmann/Christian Lequesne (Hrsg.). – Baden-Baden 2006. – S. 122. – (Reihe Denkart Europa, Bd. 2).

Smith K.E. The outsiders: The European Neighbourhood policy // Intern affairs. – N 4. – L., 2005. – P. 757–773.

Tagung des Rates (Allgemeine Angelegenheiten und Außenbeziehungen) am 18/19. Juni 2007: Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik. Fortschrittsbericht des Vorsitzes. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Europa/Aussenpolitik/Regionalabkommen/Nachbarschafts-politik-ERJuni07.pdf

Tocci N. Does the ENP respond to the EU's Post-Enlargement Challenges? // The International spectator. – Roma, 2005. – Vol. 40, N 1. – Mode of access: http://www.iai.it/SECTIONS_EN/PUBBLICAZIONI/THEINTERNATIONALSPECTATOR/issues/2005_1.asp

Über die Außenhilfeinstrumente im Rahmen der zukünftigen Finanziellen Vorausschau 2007–2013 / Mitteilung der Kommission an den Rat und das Europäische Parlament über die Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik, KOM (2006) 726 endg. – 2006. – 4. Dezemder. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/ enp/pdf/com06_726_de.pdf (30. 7. 2007)

Über die Stärkung der Europäischen Nachbarschaftspolitik/ Mitteilung der Kommission an den Rat und das Europäische Parlament / KOM (2006) 726 endgültig. – Brüssel, 2006. – 4. Dezember. – 16 S. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/ enp/pdf/com06_726_de.pdf

Verordnung EG. Art. 27, N 1638/2006, AB l. L 310. – 9. November, 2006. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/oj_l310_de.pdf

Zalewski P. The Schengen Agreement and the New Eastern Frontier of the European Union // Partner oder Beitrittskandidaten? Die Nachbarschaftspolitik der Europäischen Union auf dem Prüfstand / Martin Koopmann / Christian Lequesne (Hrsg.) – Baden-Baden, 2006. – 226 S. – (Denkart Europa;2.)

Zorob A. Projekt «Mittelmeerunion» – «neuer Schub» für die EU-Mittelmeerpolitik? // GIGA Focus. – Hamburg, 2008. – N 5. – 7 S. – Mode of access: http://www.giga-hamburg.de/dl/download.php?d=/content/publikationen/pdf/gf_nahost_0805.pdf

Перевод *С.В. Погорельской*